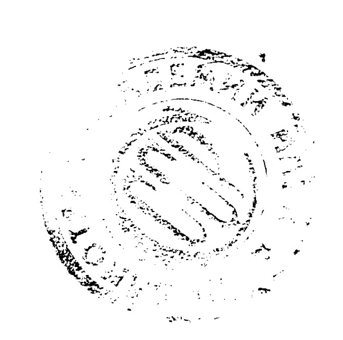
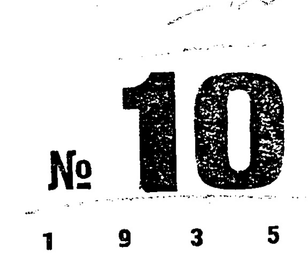
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 10

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

маном легко-
рым романы
лассическими
ию очевидно
о «принципа
ример, прод
ники. Исклю
Эгона Эрвина
тому принци
ремии.
оторый дол
их писателей
к культурной
. Ни ко дню
шестидесяти
рижским ко
было сказать
ателей и про
о активность

адлежащие к
эмигранты или
нескольких лет
или с целью
ний. Им мы
циативу орга
Мюзама и То
а свой роман
л премию из
ин Штюбе на
ки, Петер Кас
нако, издател
й еще не на
афа «Бездн
ботает над но
нской войны
о Каст пиш
Грейя о Гану
над последне
йс в Белое м
асают «Челю
л две тре
исывает кан
рмании.
нц Вайскоп

ЕРАТУРЫ"
едует читать

зидентом
Парге
ржался он
меты
фект, произве
енный аффект
мным
бразы
нтенций
браз мыслей

С. ДИНАМ

те, 11½ печ.
ечетов

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ НАШИХ ЖУРНАЛОВ

И. Р. Бехер, О. Биха, В. Бредель, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вайскопф, К. Витфогель, Ф. Вольф, А. Габор, Э. Гинкель, О. М. Граф, М. Гресхеннер, К. Грюнберг, К. Нейкранц, Э. Оттвальт, Т. Пливье, Э. Пискатор, Л. Ренн, К. Клебер, А. Курелла, Б. Ласк, Г. Мархвица, Г. Егер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Л. Турек, А. Шарер (Германия);

Ш. Андерсон, М. Голд, Дж. Дос-Пассос, Т. Драйзер, Дж. Калар, У. Кармон, Дж. Стил, Дж. Кьюниц, Синклер Льюис, Л. Лозовик, М. Пэйдж, У. Синклер, А. Смэдли, У. Фрэнк, Дж. Фримен, У. Чемберс.

Л. Арагон, А. Барбюс, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Кутюрье. А. Жид, Ж. Жионо, А. Мальро, Л. Мусинак, П. Низан, Ромен Роллан, Ж. Садуль, Ж. Фревиль (Франция);

А. Барта, Ш. Гергель, А. Гидаш, Б. Иллеш, Л. Киш, В. Камьят, Г. Лукач, Э. Мадарас, Я. Матейка (Венгрия);

Иеф Ласт, Герард Фантер (Голландия);

П. Илемницкий, Ст. К. Нейман, Л. Новомеский (Чехословакия);

П. Шнур, Яничек (Австрия).

В. Броневский, А. Ват, Ст. Выгодский, Ю. Грот, С. Людкевич, Ст. Р. Станде, Б. Ясенский (Польша);

Дж. Джерманетто, Росси (Италия);

Р. Альберти, Х. Ардериус, С. М. Арконада, С. Вальехо, М. Т. Леон, Р. Х. Сендер (Испания);

Ч. Ашли, А. П. Ролей, Г. Хэзлоп, Б. Шоу, Дж. Стречи, А. В. Эллис (Англия);

Энар Томасен, З. Лунд, М. А. Нексе (Дания);

Иокум, Л. Лайцен, Я. Эйдук (Латвия);

Го Ма-жо, Лу Син, Мао Дунь, Эми Сяо, Тянь Хань, Фин Сефуи, Хуа Хань, Цянь Синцунь, Чжоу Цин, Шен Туаньнь (Китай);

О. Брандоу (Бразилия);

Хосе Мансисидор (Мексика);

И. Анисимов, И. Бабель, Билль-Белоцерковский, О. Брик, Е. Габрилович, Е. Гальперин, Ф. Гладков, Глебов, А. Дейч, С. Динамов, Запровская, К. Зелинский, А. Елистратова, Вс. Иванов, М. Ильин, И. Ильф, А. Исбах, И. Кашкин, М. Кольцов, Киршон, В. Катаев, Л. Кассиль, Ф. Кельин, Лахути, М. Леонидов, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мирский, Я. Металлов, И. Микитенко, И. Нусинов, Н. Огнев, К. Паустовский, Е. Петров, Б. Пильняк, Пранскус, А. Селивановский, И. Сельвинский, В. Ставский, Н. Тихонов, С. Третьяков, А. Фадеев, М. Шагинян, Ф. Шиллер, В. Шкловский, М. Д. Эйхенгольн, Эренбург, Н. Эйнскина (СССР).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

ТЕОРИЯ И КРИТИКА

ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

кинулся к окошку. По крыше спускался вниз Ван Бо-пи. Он полз на четвереньках, сгорбленный, обтянутый серым халатом, похожий на затравленного волка.

—Не уйдешь, крыса! — злобно крикнул Лао Чжан.

— Собака не попробует крысиного мяса! — крикнул в ответ Ван Бо-пи.

Он спустился с крыши дома и карабкался по верху глинобитной стены.

Лао Чжан вскинул винтовку. Раздал сухой и короткий выстрел. Серая ф гура покачнулась, попыталась подня ся на ноги и рухнула вниз.

Так кончил свою жизнь на советско земле помещик и ростовщик, опиеto говец и джентри, капиталист и феода последний потомок рода Ван Бо-п прозванный в народе «Ван, сдирающ кожу».

Джемс Джойс

Перевод с английского В. ТОПЕР[1]

Улисс

5

По набережной сэра Джон Роджерсон, вдоль подвод, мистер Блум шел сдержанно, мимо Уиндмил-лэйн, маслобойного завода Лиска, почтового отделения. Можно было дать и этот адрес. И мимо Приюта Моряка. Он повернулся спиной к утренним шумам набережной и пошел по Лайм-стрит. У Коттеджей Брэди, повесив ведерко с отбросами на руку, слонялся подмастерье кожевенника, посасывая изжованный окурок. Девочка поменьше со струпьями экземы на лбу смотрела на него, рассеянно опираясь на помятый обруч. Сказать ему, будет курить — не вырастет. А пускай! И так его путь не усеян розами! Дежурит у дверей кабака, чтобы отвести папу домой. Пойдем домой к маме, папа! Время тихое: народу будет мало. Он пересек Таунсенд-стрит, миновал хмурый фасад часовни Бейтэл. Эл, это значит дом бо... алеф бейт. И мимо похоронного бюро Никольса. В одиннадцать. Спешить некуда. Все-таки Корни Келлехер перехватил заказ у О'Нейля. Поет с закрытыми глазами. Корни. Встретил ее раз в саду. По-утру. Какаду. Шпик. Тогда и сказала фамилию и адрес тра-ля-ля, тра-ля-ля-ра. Ну, конечно, перехватил. Заройте его без особых затрат в какую-нибудь там. Тра-ляля, тра-ля-ля-ра.

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.

На Уестлэнд Роу он остановился перед витриной чайной фирмы Белфаст и Ориентэл и прочел надписи на пакетах в свинцовой бумаге: отборная смесь, высший сорт, семейный чай. Жарко. Чай. Можно достать через Тома Кернан. На похоронах просить неудобно, все-таки. Продолжая машинально читать надписи, он снял шляпу, спокойно вдыхая запах бриолина, и с медлительной грацией провел рукой по лбу и волосам. Очень жаркое утро. Его глаза из-под опущенных век отыскали маленький бантик на кожаном ободке внутри шляпы высшего ка. Здесь. Его правая рука опустилась в тулию шляпы. Его пальцы быстро отыскали карточку под кожаным ободком и переместили ее в жилетный карман.

Как жарко. Его правая рука еще раз, еще медлительнее провела по волосам: отборная смесь, из лучших цейлонских сортов. Дальний восток. Чудесные должно быть места: земной рай, лежать и плыть на большом ленивом листе, кактусы, цветущие лужайки, змеистые лианы, так, что ли, они называются. Интересно, как на самом деле? Сингалезы валяются на солнцепеке, в dolce far niente. Пальцем не шевельнут за целый день. Полжизни уходит на сон. Слишком жарко, чтобы ссориться. Влияние климата. Летаргия. Цветы праздности. Главное их питанье воздух. Азоты. Оранжерея в Ботаническом саду. Тепличные растения. Водяные лилии. Усталые чашечки не. Сонная болезнь в воздухе. Ступать по розовым лепесткам. И вдруг — есть рубец или студень. Что это за место, где тот тип на картинке разлегся? А, Мертвое море, плавает на спине, и книжку читает под раскрытым зонтиком. Нарочно и то не утонешь: слишком много соли. Потому что вес воды, нет, вес тела в воде равен весу. Или, как это, об'ем равен весу! Есть какой-то такой закон. Ванс в колледже, хрустящий суставами пальцев, об'ясняя,

Курикулум колледжа. Хрустящий курикулум. Вот мы говорим вес, а что такое вес? Тридцать два фута в секунду. Закон падения тел: в секунду, в секунду. Все они падают вниз. Земля: сила притяжения земли, вот это и есть вес.

Он повернулся и не спеша перешел улицу. Как она шла со своими сосисками? Как-то вот так. На-ходу он вынул из бокового кармана сложенный номер «Фримен», развернул его, скатал в длину трубочкой и при каждом неспешном шаге похлопывал себя по штанине. Беззаботный вид: просто зашел узнать. В секунду, в секунду. В секунду, это значит за каждую секунду. С края тротуара он метнул быстрый взгляд через дверь почтового отделения. Дополнительная выемка. Опускать здесь. Никого. Войдем.

Он протянул карточку в отверстие медной решотки.

— Есть письма для меня? спросил он.

Пока барышня рылась в ящике, он рассматривал плакат о наборе в армию, солдаты всех родов оружия в парадной форме; и поднес к ноздрям скатанную трубочкой газету, втягивая запах свежей типографской краски. Вероятно, ответа нет. Слишком далеко зашел в прошлый раз.

Барышня протянула ему карточку и письмо. Он поблагодарил и торопливо взглянул на адрес, отпечатанный на машинке.

Генри Флауер, Эсквайр
До востребования
П/о Уестлэнд Роу
Здесь

Ответила все-таки. Он сунул карточку и письмо в боковой карман, снова разглядывая солдат в парадной форме. Где полк старика Твиди? Отставной солдат. Вот: медвежья шапка и плюмаж. Нет, это гренадер. Обшлаг уголком. Вот он: Дублинский его величества стрелковый. Красные мундиры. Слишком кричаще. Вероятно потому женщины и бегают за ними. Форма. Удобней для вербовки и муштры. Письмо Моды Гонн о том, чтобы им запретили появляться вечером на О'Коннел-стрит: позор для нашей ирландской столицы. Газета Гриффитса поет ту же песню: армия сифилитиков. Заражают пол-мира: всемирная сортирная империя. Вид у них ош лелый: как под гипнозом. Глазами еш Шире шаг. Тесак — сак. Штык — ты Его королевского величества. Небось н наденет формы пожарного или полицей ского. Масон.

Он лениво вышел из почтового отде ления и повернул направо. Болтовня как будто от этого что-нибудь изменит ся. Его рука опустилась в карман и ука зательный палец, просунувшись по клапан конверта, рывками вскрыл пись мо. А женщин все равно не убедишь Его пальцы вытащили письмо и скомка ли конверт в кармане. Что-то приколо то: карточка может быть. Волосы? Нет

Мак-Кой. Поскорей отделаться от не го. Помешает. Разговаривай тут с ни когда.

— Хелло, Блум. Куда это вы?

— Хелло, Мак-Кой. Да собственн никуда.

— Как здоровье?

— Отлично. А вы как поживаете?

— Ничего, скрипим, сказал Мак-Кой

Устремив глаза на черный костюм галстук, он спросил с тихим почтение

— Разве что-нибудь... надеюсь, ничег не случилось? Я вижу, вы...

— Нет, нет, сказал мистер Блум. Бе няга Дигнэм, вы ведь знаете. Сегод похороны.

— Да, да, бедняга. Так, так. В кото ром часу?

Нет, это не карточка. Сувенир какой нибудь.

— В о... одиннадцать, ответил мисте Блум.

— Постараюсь притти, сказал Мак Кой. Так в одиннадцать? Я узнал только вчера вечером. Кто же мне сказал? Хо лохэн. Вы знаете Хромулю?

— Знаю.

Мистер Блум смотрел через улицу на экипаж, стоящий у под'езда Гровнор Носильщик поставил чемодан межд сиденьями. Она стояла, ожидая, пока мужчина, муж, брат, похож на нее, рыл ся в карманах, искал мелочь. Очен элегантное пальто, воротник валиком жарко в такую погоду, что-то врод байки. Небрежная поза, руки в наклад ных карманах. Как та недотрога на со стязании в поло. Женщины все суще ства высшей касты, пока не попадешь точку. Собой хороша и слава хороша Неприступны, но рады сдаться. Честнейшая миссис, а Брут бесспорно честный человек. Раз возьмешь ее, и жеманиться перестанет.

— Я был с Бобом Доран, у него опять запой, и с этим, как его, Бентам Лайонс. Мы сидели все вместе в баре Конуэя.

Доран, Лайонс, в баре Конуэя. Она подняла к волосам руку в перчатке. Входит Хромуля. Навеселе. Закинув голову и смотря из-под полузакрытых век, он видел желтую лайковую перчатку, блестевшую на солнце, вышитые полоски. Как ясно я вижу сегодня. Может быть, когда воздух влажный, лучше видишь вдаль. Болтает о том, о сем. Породистая рука. С какой стороны она сядет?

— А он говорит: *Печальный случай с нашим другом Падди. Какой Падди?* говорю я. *Бедняга Падди Дигнэм*, говорит он.

За город едут: на Бродстонский вокзал должно быть. Высокие желтые ботинки, кисточки шнурков болтаются. асивые ноги. Что он там возится с елочью? Видит, что я гляжу. Всегда ысматривают новую жертву. На всякий лучай. Запасная тетива для лука.

— *А что?* говорю. *Что с ним такое?* говорю.

Гордая; нарядная: шелковые чулки.

— Да, сказал мистер Блум.

Он слегка отодвинулся от говорящего лица Мак-Коя. Сейчас будет садиться.

— *Что с ним такое?* говорит он. *Умер,* говорит. А сам наливает себе еще стаканчик. *Кто, Падди Дигнэм?* говорю. Я ушам своим не поверил. А ведь всего только в пятницу. или в четверг что ли, мы были с ним в Радуге. *Да*, говорит, *он ушел от нас. Он умер в понедельник, бедняга.*

Вот! Вот! Шелк лоск нарядный чулок, белый. Вот!

Тяжелый трамвай в раскачку со звоном вполз между ними.

Сорвалось. Раззвонился, чорт курносый. Точно выставили за дверь. Эдем и пери. Вот всегда так. Как раз в ту минуту. Девушка в парадном на Юстэс-стрит, в понедельник, что ли, поправлявшая подвязку. Подруга загораживала ее, чтобы не видно. Esprit de corps[1]. Ну чего уставился?

— Да, да, сказал мистер Блум, тяжело вздохнув. Еще один ушел.

— Один из лучших, сказал Мак-Кой.

Трамвай проехал. Они покатили в сторону моста, ее рука в лайковой перчатке на стальной ручке. Блестки, блестки: пламя эгретки ее шляпы на солнце: блестки блеск.

— Жена здорова, надеюсь? другим тоном спросил голос Мак-Коя.

— О да, сказал мистер Блум. Здорова. Вполне. Спасибо.

Он лениво развернул скатанную трубочкой газету и лениво прочел.

Что дом, где не знают
Паштетов Ренклод?
Урод.
Где знают — блаженства приют.

— Моя супруга только что получила ангажемент. Хотя это еще не решено.

Сейчас под'едет насчет чемодана. Нет уж извините. Номер не пройдет.

Мистер Блум со сдержанной приветливостью перевел на него глаза под тяжелыми веками.

— Моя жена тоже, сказал он. Она будет выступать в Белфасте на большом вечере в Улстер Холле, двадцать пятого.

— Вот как? сказал Мак-Кой. Рад слышать, дружище. А кто устраивает?

Миссис Марион Блум. Еще не вставала. Королева лежала в постели и кушала хлеб с. Не читает. Почерневшие карты разложены по семи вдоль ее бедра. Дама треф и червонный король. Кошка черным пушистым клубком. Оторванная полоска конверта.

Старая
Сладкая
Песня
Любви
Слышится старая...

— Это вроде гастролей, понимаете? задумчиво сказал мистер Блум. «Сладкая песня». Устраивает комитет пайщиков. Доля в издержках и доля в прибыли.

Мак-Кой кивнул, пощипывая щетину усов.

— Понимаю, сказал он, это хорошо.

Он собрался уходить.

— Ну очень рад, что вы в добром здоровьи, сказал он. Еще увидимся.

[1] Корпоративное чувство (франц.).

— Да, сказал мистер Блум.

— Знаете что, сказал Мак-Кой, не откажите расписаться за меня на похоронах. Я бы пришел, но не знаю смогу ли, понимаете. В Сандиков ищут утопленника, если тело найдут, то пожалуй, придется ехать туда со следователем. Просто подмахните мою фамилию, если меня не будет, ладно?

— Хорошо, сказал мистер Блум, собираясь уходить. Это можно.

— Отлично, сказал Мак-Кой, просияв. Спасибо, дружище. Постараюсь притти, если только будет возможно. Ну, до скорого. Просто К. П. Мак-Кой и все.

— Будет сделано, твердо ответил мистер Блум.

Не поймал на удочку. Позондировал почву. Остался с носом. Как бы не так. Мой любимый чемодан. Кожа. Уголки колпачком, заклепки по краям, пружинный замок — два поворота. Боб Каули одолжил ему свой в прошлом году для концерта по случаю парусных гонок в Уиклоу, и с того самого дня об этом чемодане ни слуху, ни духу.

Мистер Блум улыбался, лениво шагая в сторону Брунсвик-стрит. Моя супруга только что получила. Пискливое сопрано, вся в веснушках. Нос как сырная корка. По-своему довольно мила: спеть какую-нибудь балладу, это она еще может. Чего-то не хватает. Вы да я, не правда ли? В одной упряжке. Подмазывается. Даже зло берет. Неужели он не слышит разницы. Говорят, что у него такие наклонности. Мне это противно. Я нарочно сказал ему про Белфаст, пусть чувствует. Надеюсь, оспа идет там на убыль. Вдруг она не захочет делать прививку. Ваша жена и моя жена.

Что это он, шпионит за мной?

Мистер Блум остановился на углу и скользнул глазами по разноцветным афишам. Лимонад (ароматный) Кентрэлла и Кокрэна. Летняя распродажа у Клэри. Нет, пошел прямо. Ага. Сегодня Лия: миссис Бэндмен Палмер. Хотелось бы еще раз посмотреть ее в этой роли. Вчера она играла Гамлета. Травести. А может быть он был женщиной. Почему Офелия покончила с собой? Бедный папа! Как он бывало восхищался Кэт Бэтнем в этой роли! Простаивал целые дни у кассы театра Адельфи в Лондоне, чтобы только попасть. Это было за год до моего рождения: в шестьдесят пятом. И Ристори в Вене. А как же называлась пьеса? Автор Мозенталь. Рахиль, что ли? Нет. Та сцена, которой он всегда восхищался, когда старый слепой Авраам узнает голос и кладет пальцы на его лицо.

Голос Натана! Голос его сына! Я слышу голос Натана, который покинул своего отца, оставил его умирать от горя и муки на моих руках, оставил дом своего отца и веру своего отца.

Какая глубина в каждом слове, Леопольд.

Бедный папа! Бедняга! Хорошо, что я не вошел в комнату и не видел его лица. Что это был за день! О господи! господи! Ф-фу! Ну, что ж, может быть для него это был наилучший выход.

Мистер Блум свернул за угол и прошел мимо понурых извощичьих кляч. Не стоит больше думать об этом. Время кормежки. И нужно мне было встретить этого Мак-Коя.

Он подошел ближе и услышал хруст золотистого овса, мягкое чавканье. Их большие оленьи глаза смотрели на него, когда он шел мимо среди сладкого овсяного запаха конской мочи. Их эльдорадо. Несчастные клячи! Ничего не знают и ничего знать не хотят, уткнулись длинными мордами в торбы. Не до разговоров. Впрочем, и корм и ночлег есть. К тому же холощенные: черный гуттаперчевый обрубок болтается под брюхом. Может быть это не мешает им быть счастливыми. Вид у них жалкий и кроткий. Все-таки очень раздражает когда они ржут.

Он вытащил письмо из кармана и вложил его в газету, которую держал в руке. Здесь того и гляди столкнешься с ней. В переулке безопаснее.

Он прошел мимо извощичьей биржи. Любопытная жизнь у легковых извозчиков, во всякую погоду, по всяким местам, на часы или за конец, не по своей воле. Voglio e non[1]. Люблю иногда угостить папиросой. Общительные, перебрасываются шуточками с козел, встречаясь. Он стал напевать.

Lá ci darem la mano
La la lala la la.

Он свернул на Кэмберлэнд-стрит и, сделав несколько шагов остановился под прикрытием вокзальной стены. Никого. Лесной склад Мида. Сложенные бревна. Развалины и жилища. Осторожно ступая, он прошел по нарисованным на земле классам с забытым камешком. Ни души. Возле склада малыш на корточках играет сам с собой, подбрасывая шарик большим пальцем. Мудрый тигровый кот, шурящийся сфинкс, наблюдает с теплого порога. Жаль тревожить их. Магомет отрезал кусок своего плаща, чтобы не разбудить. Развернуть письмо. А было время и я играл в шарики, когда учился в школе у той старушки. Она любила резеду. Школа миссис Эллис. И мистера? Он развернул письмо не вынимая его из газеты.

Цветок. Это, если не ошибаюсь. Желтый цветок со сплющенными лепестками. Значит, не рассердилась. Что она пишет?

Милый Генри,

Я получила ваше письмо, большое вам спасибо. Очень жаль, что мое письмо вам не понравилось. Зачем вы приложили марки? Я ужасно сердита на вас. Как бы мне хотелось наказать вас за это. Я назвала вас гадким мальчиком, потому что не люблю того, другого слава. Пожалуйста, об'ясните мне точный смысл того слова. Так значит вы, милый, бедненький, гадкий мальчик, несчастливы в семейной жизни? Как бы мне хотелось порадовать вас чем-нибудь. Пожалуйста, напишите, что вы обо мне думаете. Я часто думаю о вашем красивом имени. Милый Генри, когда мы увидимся? Если бы вы знали как часто я о вас думаю. Никогда еще ни одним мужчиной я так не увлекалась как вами. Я просто сама не своя. Пожалуйста, напишите мне длинное письмо и расскажите мне еще о себе. Помните, если вы не напишите, я накажу вас. Так и знайте, гадкий мальчик. Ах как я хочу вас видеть. Генри, дорогой, не отвергайте моей просьбы, пока терпение мое не истощится. Тогда я вам все скажу. Теперь прощайте, гадкий, любимый. У меня сегодня ужасно болит голова и отвечайте немедленно вашей тоскующей

Марте.

P. S. Непременно напишите какими духами душится ваша жена. Я хочу знать.

Он сосредоточенно оторвал цветок от булавки, понюхал его почти отсутствие запаха и спрятал во внутренний карман. Язык цветов. Им это нравится, потому что никто не может подслушать. Или отравленный букет, чтобы умертвить его. Потом, медленно двигаясь вперед, он перечел письмо, произнося вполголоса отдельные слова. Сердита тюльпан на вас любимый мужецвет накажу ваш кактус если вы не пожалуйста бедненький незабудка как я хочу фиалки дорогой розы когда мы анемоны увидимся все гадкий ночной стебелек жены Марты духи. Дочитав до конца он вынул письмо из газеты и положил обратно в боковой карман.

Легкая радость раскрыла его губы. Иначе заговорила чем в первом письме. Интересно сама ли она его писала. Разыгрывала возмущение: я, девушка из хорошей семьи, порядочная. Можем встретиться как нибудь в воскресенье после розария. Благодарю покорно. Не на таковского напала. Обычная любовная размолвка. Потом дуться друг на друга. Не лучше чем сцены с Молли. Сигара успокаивает. Наркотик. Следующий раз буду смелей. Гадкий мальчик; накажу: боится слов, понятное дело. Грубо, а что ж? Попробовать можно. Мало-по мало.

Все еще ощупывая письмо в кармане он вытащил булавку. Обыкновенная булавка, а? Он бросил ее на мостовую. Откуда-нибудь из ее платья: зашпилено. Удивительно сколько на них всегда булавок. Нет розы без шипов.

Пошлые дублинские голоса завизжали в его голове. Две шлюхи в ту ночь в Кумби, рука об руку, под дождем.

О Мэри где от штанов булавка
Как быть тебе теперь
Чтоб не упало
Чтоб не упало.

Упало? Упали. Ужасно болит голова. Месячные, должно быть. Или целый день за машинкой. Зрительное напряжение вредно для желудочных нервов. Какими духами душится ваша жена? И надо же такое придумать.

Чтоб не упало.

Марфа, Мария[1]. Где-то я видел эту картину, не помню, старого мастера или

[1] «Хочу и не» (итальянск. Из дуэта Lá ci darem la mano; опера Моцарта «Дон Жуан»

[1] Английское женское имя «Марта» соответствует русскому имени «Марфа».

подделка. Он сидит у них в доме, говорит. Таинственный. Те две из Кумби тоже стали бы его слушать.

Чтоб не упало.

Приятное вечернее чувство. Кончены скитания. Отдыхать; тихие сумерки; пусть будет, что будет. Забыть. Рассказать о странах, где побывал, о чуждых обычаях. Другая, с кувшином на голове, принесла ужин: плоды, маслины, чудесную прохладную воду из каменного колодца, холодная, как из той трещины в стене в Эштауне. Надо будет захватить бумажный стаканчик в следующий раз, как поеду на бега. Она слушает подняв большие, темные, кроткие глаза. Рассказать ей; еще и еще; все. Потом вздох: молчание. Долгий долгий долгий покой.

Проходя под виадуком он достал конверт, быстро разорвал его на клочки и подбросил их; клочки разлетелись, опускаясь, во влажном воздухе: белый взлет, потом все опустились. Генри Флауер. Точно так же можно разорвать чек на сто фунтов. Просто лоскут бумаги. Лорд Айвиг однажды получил миллион наличными в Ирландском банке по чеку с семизначным числом. Вот сколько денег можно нажить на портере. Но говорят, что другой брат, лорд Ардилон принужден по четыре раза в день менять рубашку. В коже заводятся вши или еще какая-то гадость. Миллион фунтов, постой-ка. Пинта два пенса, кварта четыре пенса, галлон восемь пенсов, нет, один шиллинг и четыре пенса галлон портера. Сколько раз один шиллинг и четыре пенса в двадцати: около пятнадцати. Да, правильно. Пятнадцать миллионов бочек портера.

Что я говорю бочек? Галлонов. Все-таки около миллиона бочек.

В’езжающий поезд тяжело прогрохотал над его головой, вагон за вагоном. Бочки сшибались в его голове; тусклая жидкость, взбиваясь, плескалась внутри. Втулки вылетали и струи портера, сливаясь в огромный тусклый поток, извиваясь, текли по топям Ирландской равнины, ленивый вялый водоворот, несущий широколепестные цветы пены.

Он дошел до открытой двери церкви Всех святых. Взойдя на паперть, он обнажил голову, достал из кармана карточку и снова засунул ее за кожаный ободок. Ах чорт. Забыл поговорить с Мак-Коем насчет билета в Мэллингар.

То же об’явление на дверях. Проповедь члена святого ордена Иисуса его высокопреподобия Джона Конми о святом Питере Клэвере и африканской миссии. Спасать миллионы китайцев. Интересно, как они об’ясняют это язычникам. А те предпочитают унцию опиума. Жители небесной империи. Варварская ересь для них. Тоже возносили молитвы за обращение Гладстона, когда он уже был без сознания. И протестанты также. Обратить доктора богословия Уильяма Дж. Уэлша в истинную веру. Будда, их бог, лежит на боку в музее. Блаженствует, подложив ладонь под щеку. Горящие курительные палочки. Не то, что Ecce Homo[1]. Терновый венец и крест. Блестящая мысль, святой Патрик и клевер. Рис едят палочками? Конми: Мартин Каннингхем знает его: благородная наружность. Напрасно я не обратился к нему, чтобы устроить Молли в хор, а к этому отцу Фарлею, который прикидывался таким простачком. Их этому учат. Он, небось, не наденет синих очков и не пойдет в поте лица своего крестить чернокожих. Стекла прельстили бы их, сверкают. Хотел бы я посмотреть, как они сидят в кружок, губастые, затаив дыхание, слушают. Натюр-морт. Лакают это как молоко, должно быть.

Холодный запах священного камня манил его. Он поднялся по стертым ступеням, толкнул двухстворчатую дверь и тихо вошел в боковой придел.

Что-то происходит: служба какого-то братства. Жаль, что так пусто. Приятное укромное местечко посидеть рядом с девушкой. А кто мой сосед? Прижатые друг к другу, часами, под протяжные звуки органа. Та женщина на ночной литургии. На седьмом небе. Женщины на коленях между скамьями, алые хомута на шее, склоненные головы. Целый выводок на коленях у решотки алтаря. Патер обходил их бормоча, держа в руках эту, как ее. Он останавливался перед каждой, вынимал облатку, стряхивал с нее капли (в воде они, что ли?) и аккуратно клал ей в рот. Ее шляпа и голова опускались. Затем следующая: ма-

[1] Се человек (латинск.).

ленькая старушка. Патер не переставая бормотать, нагнулся, чтобы положить причастие ей в рот. Латынь. Следующая. Закрой глаза и открой рот. Что это? Corpus. Тело. Труп. Удачная мысль — латынь. Одурманивает для начала. Палата для умирающих. Они, кажется, не жуют: сразу глотают. Дикая мысль: с’едать кусочки трупа, ну что ж, людоедов они этим и берут.

Он стоял в стороне, следя как их слепые маски проходили по приделу, одна за другой, разыскивая свои места. Он подошел к скамье и уселся в угол, играя шляпой и газетой. Горшки какие-то приходится носить. Нужно бы делать шляпы по форме головы. Они сидели вокруг него, все еще склонив голову, в своих алых хомутах, дожидаясь пока причастье растает в желудке. Что-то вроде мацы: такая же выпечка: опресноки, хлебы предложения. Ты только посмотри на их лица. Они этим наслаждаются, честное слово. Леденец. Наслаждаются, конечно. Да, ангельский хлеб это называется. За этим кроется глубокая мысль, что-то вроде царствия божия внутри нас. Первые причастники. Мороженое. Порцию за пенни. После этого чувствуют себя как бы одной семьей, словно в театре своей компанией, все свои. Конечно. Не сомневаюсь. Не так одиноко. В нашем братстве. Выходят веселые. Предохранительный клапан. Во что веришь, то и существует. Исцеление в Лурде, воды забвения и видение Нокка, кровоточащие статуи. А старик возле исповедальни уснул. Вот откуда храп. Слепая вера. Покоится в руках да приидет царствие. Утишает всякую боль. Проснуться через год в это время.

Он видел как патер заботливо спрятал чашу причастия, опустился перед ней на колени, широкая, серая подошва показалась из под этой кружевной штуки. А вдруг он потеряет булавку от. Как быть ему тогда. На макушке плешь. Буквы на спине И.Н.Р.И? Нет: И.Х.С. Я как-то спрашивал Молли ,она мне сказала: Иисус Христос Согрешил, или нет: Иисус Христос Спаситель, вот как. А то, другое? Истину Ненавидящие Распяли Иисуса.

Встретиться как нибудь в воскресенье после розария. Не отвергайте моей просьбы, Выйдет в вуали и с черной сумочкой. Сумерки, и свет позади нее. Она может притти сюда с алой лентой на шее и все-таки делать то, потихоньку. Такова их природа. Тот суб’ект из шайки Непобедимых, который, Кэри его фамилия, выдал своих сообщников, причащался каждое утро. В этой самой церкви. Питер Кэри. Нет, я путаю с Питером Клевер. Денис Кэри. Только представить себе. Дома жена и шесть человек детей. И все время подготовляя убийство. В этих божьих помазках, хорошая кличка для них, всегда есть что-то подозрительное. И в делах они нечестны. Ну, конечно, ее нет здесь; а где цветок: нет, нет. Кстати, я разорвал конверт? Да, под виадуком.

Патер ополаскивал потир; потом он ловко опрокинул остатки себе в рот. *Вино.* Аристократичнее, чем если бы он пил привычное для них, портер Гинесса, или какой-нибудь безалкогольный напиток, Дублинскую Шипучку Уитли или лимонад (ароматный) Кэнтрелля и Кокрэна. Не дает им ни капли: вино предложения; только хлеб. Постновато. Благочестивое жульничество, но так и следует: иначе сюда притащились бы все пьяницы, выклянчивая стаканчик. Странно, все-таки, вся эта атмосфера. Так и следует. Именно так.

Мистер Блум оглянулся на хоры. Музыки не будет. Жаль. Интересно, кто здесь играет на органе? Старик Глин играл так, что вся церковь гудела, vibrato; говорят, он зарабатывал пятьдесят фунтов в год в церкви на Гардинерстрит. Молли была особенно в голосе в тот вечер. Stabaf Mater Россини. Сначала проповедь отца Бернара Воган. Христос или Пилат? Христос, но только не занимайте этим весь вечер. Музыки хотелось. Шарканье прекратилось. Упади булавка, слышно было бы. Я сказал ей, чтобы она направляла голос в тот угол. Чувствовалось, самый воздух дрожит, все смотрят вверх.

Quis est homo?[1]

В этой старой церковной музыке есть изумительные вещи. Меркаданте: последние семь слов. Двенадцатая месса Моцарта: особенно Gloria. Папы в старину были страстными любителями музыки и живописи, всякие там статуи и

[1] Кто сей человек? (латинск.).

картины. Или вот Палестрина. Весело им жилось в доброе старое время. И для здоровья полезно, пенье, молитвы по часам, потом приготовлять ликеры. Бенедиктин. Зеленый шартрёз. Все-таки держать кастратов в своих хорах, это уж слишком. Какой у них голос? Смешно, должно быть, слушать после глубоких басов. А если они ничего не чувствуют после? Очень спокойно и. Никаких хлопот. Обрастают жирком, говорят. Обжоры, рослые, длинноногие. Как знать? Кастрат. Тоже выход.

Он видел, как патер наклонился и поцеловал алтарь, затем повернулся и благословил молящихся. Все перекрестились и встали. Мистер Блум посмотрел кругом и затем встал, глядя поверх поднявшихся шляп. Евангелие, конечно, слушать стоя. Потом все снова опустились на колени и он тихонько уселся на свою скамью. Патер вышел из алтаря, держа эту, как ее, перед собой, и стал с псаломщиком переговариваться по латыни. Потом патер встал на колени и начал читать по записке.

Господи, прибежище наше и сила...

Мистер Блум вытянул шею, стараясь уловить слова. По-английски. Бросить им кость. Смутно припоминаю. Когда я в последний раз был в церкви? Gloria и непорочная дева. Иосиф супруг ее. Петр и Павел. Довольно интересно, если знать в чем дело. Несомненно поразительная организация, работает как часовой механизм. Исповедь. Каждому приятно. Тогда я вам все скажу. Покаяние. Накажите меня пожалуйста. Мощное оружие в руках. Больше чем врач или адвокат. Женщины так и рвутся. А я ш-ш-ш-ш-ш-ш. А вы ча-ча-ча-ча-ча? А почему вы? Разглядывает свое кольцо, ища оправдания. Шепчущие стены коридоров имеют уши. Муж узнает последним. Шуточки господа бога. Потом она выходит. На грош раскаяния. Сладкий стыд. Молитва у алтаря. Дева Мария и девка Мария. Цветы, ладан, тающие свечи. Скрывает краску лица. Армия спасения — грубая подделка. Раскаявшаяся проститутка выступит на собрании. Как я обрела бога. Умные головы у этих господ в Риме, должно быть: все в своих руках держат. А денег разве мало загребают? По завещанию: его преосвященству такому-то в вечное и полное владение. Служить соборные панихиды за упокой души моей при открытых дверях. Мужские и женские монастыри. Патер свидетелем по делу о наследстве Ферманага. Его не собьешь. На все был готовый ответ. Свобода и прославление нашей святой матери церкви. Ученые богословы: они смастерили всю эту теологию.

Патер молился:

Святой архангел Михаил в час испытания защити нас. Будь нашим оплотом против козней и сетей дьявола (да укротит его господь, смиренно молим мы) и низвергни его, о князь небесного воинства властью всемогущего бога в преисподнюю и с ним злых духов блуждающих по земле на погибель душ наших.

Патер и псаломщик встали и отошли в сторону. Женщины остались сидеть: благодарение.

Лучше убраться отсюда. Брат жу-жужу. Еще подойдет с блюдом. Внеси свою пасхальную лепту.

Он встал. Вот так-так. Неужели нижние пуговицы жилета все время были расстегнуты. Женщинам это нравится. Досадуют если вы не. Почему вы мне раньше не сказали? Никогда не скажут. Зато мы. Разрешите, мисс, здесь (пф) у вас (пф) пушинка. Или сзади на юбке прореха не застегнута. Лунные полушария. Люблю, когда не слишком аккуратны. Еще хорошо, что здесь, а не южнее. Незаметно застегиваясь, он спустился по приделу и через главный вход вышел на свет.

С минуту он стоял ослепленный возле сосуда из холодного черного мрамора, пока перед ним и за ним двое верующих украдкой опускали руки в низкую гладь святой воды. Трамвай. Фургон красильной Прескот; вдова в черном крепе. Заметил, потому что сам в трауре. Он надел шляпу. Который час? Четверть. Еще рано. Пожалуй заказать лосьон. Только где? Ах да, в прошлый раз. У Свэни на Линкольн-плэйс. Аптеки редко переезжают. Тяжело передвигать эти зеленые и золотые шары. Аптека Гамильтона Лонг, фирма существует со времен наводнения. Тут же гугенотское кладбище. Зайти посмотреть как-нибудь.

Он пошел к югу по Уестлэнд Роу. А рецепт-то остался в тех брюках. Ох, и ключ забыл взять. Канитель эти похороны. Он-то, бедняга, не виноват. Когда это я заказывал в прошлый раз? Постой-ка. Помню я тогда разменял соверен. Первого, должно быть, или второго. Да, ведь он может посмотреть в книге рецептов.

Аптекарь перелистывал страницу за страницей. От него словно исходит сухой, сморщенный запах. Высохший череп. И старый. Поиски философского камня. Алхимики. Наркотики возбуждают, но от них быстро стареешь. Наступает летаргия. Почему? Реакция. Целая жизнь за одну ночь. Постепенно меняется характер. С утра до вечера среди лекарственных трав, мазей, микстур. Батарея лилейных алебастровых банок. Ступка и пестик Aq. Dist. Fol. Laur. Te Virid. Один запах почти излечивает, как звонок к зубному врачу. Доктор Хлоп. Самому не мешало бы полечиться. Электуарием или эмульсией. Первый, кто нарвал травы, чтобы полечиться, был не робкого десятка. Зелье. Нужно быть осторожным. От всех этих снадобий можно потерять сознанье. Испытание: синяя лакмусовая бумажка становится красной. Хлороформ. Слишком большая доза опия. Снотворное. Любовный напиток. Успокоительный настой из мака, плохо при кашле. Закупоривает поры, задерживает мокроту. Только яды исцеляют. Лекарство там, где меньше всего ожидаешь. Хитро придумано природой.

— Недели две назад, сэр?

— Да, сказал мистер Блум.

Он дожидался у прилавка, вдыхая острый аромат лекарств, пыльный песочный запах губок и люфы. Сколько времени тратишь, перечисляя свои болезни и недуги.

— Миндальное масло и бензойная тинктура, сказал мистер Блум, и еще померанцевая вода...

Кожа у нее от этого, в самом деле, становится нежная и белая, как воск.

— И еще белого воску, сказал он.

Оттеняет черноту глаз. Глядела на меня, простыня до самых глаз, испанка, вдыхая свой запах, пока я застегивал манжеты. Домашние средства часто самые лучшие: земляника от зубов; крапива и дождевая вода; говорят, овсяная мука, размоченная в молочной сыворотке. Питание кожи. У одного из сыновей королевы Виктории, герцога Олбэни, что ли, только одна кожа. У Леопольда, да. У нас три. В довершение всего бородавки, угри, прыщи. Надо прибавить духов. Какими духами душится ваша? По д'эспань. Померанцевый цвет. Мыло из чистых сливок. Вода такая свежая. Приятно пахнут эти мыла. Еще успею принять ванну здесь, за углом. Хамам. Турецкие. Массаж. Грязь скатывается в пупке. Приятней, если бы это делала приятная девушка. Кажется, я. Да, я. Сделаю это в ванне. Странное у меня желание. Вода к воде. Соединить приятное с полезным. Жаль, нет времени для массажа. После весь день чувствуешь себя свежим. На похоронах будет тоскливо.

— Да, сэр, сказал аптекарь. Два шиллинга девять пенсов. Вы принесли бутылочку?

— Нет, сказал мистер Блум. Приготовьте пожалуйста. Я зайду попозже; и дайте мне кусок мыла. Почем они?

— Четыре пенса, сэр.

Мистер Блум поднес к ноздрям кусок мыла. Сладкий лимонный воск.

— Я возьму вот этот, сказал он. Значит три шиллинга и один пенни.

— Да, сэр, сказал аптекарь. Вы можете уплатить за все сразу, когда зайдете, сэр.

— Хорошо, сказал мистер Блум.

Он вышел из аптеки, скатанная трубочкой газета подмышкой, а в левой руке мыло в прохладной обертке.

У его плеча голос и рука Бентама Лайонс сказали:

— Хелло, Блум, какие новости? Сегодняшняя? Разрешите взглянуть.

Опять усы сбрил, каково! Длинная холодная верхняя губа. Молодится. Вид у него потрепанный. А моложе меня.

Желтые с черными ногтями пальцы Бентама Лайонса развернули трубочку. Тоже не мешало бы ванну. Смыть самую грязь. Здравствуйте, употребляете ли вы дегтярное мыло Пирса? Перхоть на плечах. Надо кожу смазывать жиром.

— Я только посмотрю, как эта французская лошадь, сегодня скачки, сказал Лайонс. Ну, дьявол, где же это?

Он шелестел мятыми страницами, дергая подбородком над высоким воротничком. Зудит после бритья. Тесный во-

ротничок, волосы лезут. Лучше отдать ему газету и отделаться от него.

— Оставьте ее себе, сказал мистер Блум.

— Аскотт. Золотой кубок. Сейчас, бормотал Бентам Лайонс. Одну мину. Максимум второй.

— Я все равно хотел ее бросить, сказал мистер Блум.

Бентам Лайонс внезапно поднял глаза, слегка скосив их.

— Что такое? сказал его резкий голос.

— Я говорю, можете оставить ее себе, ответил мистер Блум. Я все равно хотел ее бросить.

Бентам Лайонс с минуту колебался, косся глазами; потом бросил развернутые листы на руки мистеру Блум.

— Я рискну, сказал он. Держите. Спасибо.

Он торопливо зашагал к бару Конуэя. Понесся во всю прыть.

Мистер Блум, улыбаясь, снова сложил газету в аккуратный квадрат и засунул в него мыло. Глупые губы у этого Лайонса. Пари заключать. Прямо болезнь какая-то в последнее время. Мальчишки-посыльные воруют, чтобы поставить шесть пенсов. Разыгрывается крупная нежная индейка. Рождественский обед за три пенса. Джек Флеминг проигравший казенные деньги, а потом смылся в Америку. Содержит теперь гостиницу. Такие никогда не возвращаются. Котлы с мясом в земле Египетской.

Он бодро зашагал к мечети бань. Напоминает мечеть, красный кирпич, минареты. Ага, сегодня спортивные состязания в колледже. Он остановился перед афишей в форме подковы на воротах колледжского парка: велосипедист, сложившийся вдвое как треска в горшке. Никуда не годится афиша. Вот если бы ее сделать круглой, колесом. А вместо спиц: спорт, спорт, спорт; и большую ступицу: колледж. Что нибудь, что сразу бросается в глаза.

Вот Хорнблауер перед будкой сторожа. С ним надо поддерживать дружбу: всегда можно будет пройти в парк. Как поживаете мистер Хорнблауер? А вы как, сэр?

Чудесная в самом деле погода. Если бы жизнь всегда была такой. Самая погода для крикета. Сидеть под тентом и смотреть. Подача за подачей. Один выбыл. Здесь не умеют играть. Шесть нолей. Зато капитан Бэллер разбил стекло в клубе на Килдар-стрит, когда послал мяч под прямым углом. Ярмарка в Доннибрук для них более подходящее место. Вот мордобой-то был, когда Мак Карти взял слово. Волна зноя. Долго не продержится. Все проходит, поток жизни, что в потоке жизни бренной нам дороже всех.

А теперь насладимся ванной: чистая лохань с водой, прохладная эмаль, приятный теплый поток. Сие есть тело мое.

Он мысленно видел свое бледное тело, вытянувшееся, голое, в лоне тепла, умащенное благовонным тающим мылом, мягко омываемое. Он видел свой торс, свои члены, над которыми рябилась вода, поддерживая, слегка подталкивая их кверху, лимонно-желтые; свой пуп, почку плоти; и видел как всплывают темные спутанные завитки, всплывает среди прядей потока отдыхающий праотец поколений, вялый всплывает цветок.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пятому эпизоду «Улисса» соответствует в гомеровской «Одиссее» эпизод «Лотофаги» (из песни девятой). Лотофаги — один из народов, встреченных Одиссеем в его скитаниях. Они питаются цветами лотоса, вкусив которых человек забывает все; у него остается одно желание — никуда не уезжать из этой страны и собирать лотос.

Ведущий образ пятого эпизода — цветок. Герой, мистер Блум, выступает здесь под вымышленной фамилией Флауер, что по английски означает цветок. Забегая несколько вперед укажем, что эта фамилия является как бы переводом фамилии Вираг (по венгерски — цветок), которую Блум (по немецки — цветок) носил до крещения. Весь эпизод полон упоминаниями о цветах: дальний восток — это для мистера Блума прежде всего сад («кактусы, цветущие лужайки, змеистые лианы», «водяные лилии»); в письме он получает цветок; после

прочтения письма рассуждает о языке цветов; даже портер ассоциируется с цветами («поток... несущий широколепестные цветы пены»); и концовка эпизода — образ цветка, перекликающийся с одним из образов моря в третьем эпизоде. Из цветов особенно часто упоминается роза: «путь его не усеян розами», «ступать по розовым лепесткам», «нет розы без шипов», «встретиться с ней после розария». Слово р о з а р и й имеет два значения: обычное (для английского языка) — розовый сад, специальное римско-католическое — молитвы («Отче наш» и др.), произносимые в конце мессы.

Тема католицизма занимает в «Улиссе» не последнее место. Показательно, кого именно Джойс делает носителями этой темы. В первом эпизоде это были атеист Стефен и богохульник Маллиган, в пятой — крещеный еврей Блум, перешедший в католичество из соображений отнюдь не идеологических. Церковь для него «укромное местечко», где можно «посидеть рядом с девушкой».

Дароносица названа — «эта, как ее». Размышляя о ванне, мистер Блум цитирует формулу причастия: «сие есть тело мое». Богослужение ведется по латыне для того, чтобы одурманить верующих (здесь лейтмотив пятого эпизода — наркоз,сонная одурь; вспомним, что у Гомера лотос обладает наркотическими свойствами). В католицизме мистера Блума привлекает лишь его эстетическая сторона, в частности церковная музыка: в церкви он вспоминает Моцарта, Россини и его подражателя Меркаданте (1798—1872) и крупнейшего композитора эпохи Ренессанса — Палестрину (1526—1594), автора прославленной мессы по папе Маркеллу, которую упоминал в первом эпизоде Стефен.

В пятом эпизоде «Улисса» впервые начинают «играть» город Дублин и его обитатели. Здесь упоминается главная дублинская улица О'Коннел-стрит: ирландские националисты требуют, чтобы на нее не пускали по вечерам английских солдат. Церковь, куда заходит мистер Блум, принадлежит к миссионерскому колледжу («проповедь.. о святом Питере Клэвере и африканской миссии»). Дублинцы, встречаемые или упоминаемые мистером Блумом — гробовщик Корни Келлехер, собиратель чужих чемоданов Мак-Кой, патер Джон Конми, лорд Айвиг, миллионер, владелец пивоваренного завода Гинесса, и другие — еще не раз появятся на страницах романа. Один из них, Бентам Лайонс, увлечен происходящим в этот день розыгрышем золотого кубка на ипподроме в городе Аскот (около Лондона). Узнавая из газет о лошадях, участвующих в скачке, дублинцы заключают заочные пари. Результаты становятся известны в конце дня, когда по телефону приходят сведения о победителях.

Из формальных приемов, специфических для данного эпизода, отметим два. Первый — это обилие рифм, возникающих сознательно или невольно во внутреннем монологе мистера Блума (в саду — какаду, тесак — сак и др.). Второй — ошибки и опечатки в письме Марты, характеризующие автора этого письма — машинистку и «секретаря» мифического Генри Флауера: «не отвергайте моей просьбы, пока терпение мое не истощится», «если вы не напишите, я накажу вас», «не люблю того, другого слава (вместо слова)».